

ИСТОРИЯ НАУКИ

Самарская Лука: Бюл. 2007. - Т. 16. - № 1-2(19-20). - С. 297-306.

© 2007 Я.И. ПРОХАНОВ*

ВОСПОМИНАНИЯ О КУЙБЫШЕВСКОМ БОТАНИЧЕСКОМ САДЕ (1935-1940)

Prokhanov Ya.I. MEMOIRS ABOUT THE KUYBYSHEV BOTANICAL GARDEN (1935-1940). The manuscript of Ya.I. Prokhanov - an employee of the Kuybyshev botanical garden – has been published for the first time.
Keywords: history, the Kuybyshev botanical garden.

Проханов Я.И. ВОСПОМИНАНИЯ О КУЙБЫШЕВСКОМ БОТАНИЧЕСКОМ САДЕ (1935-1940). Впервые публикуется рукопись Я.И. Проханова, сотрудника Куйбышевского ботанического сада.
Ключевые слова: история, Куйбышевский ботанический сад.

*Директору Куйбышевского
ботанического сада
т. Затворницкому
Куйбышев (областной) 24,
Овраг подпольщиков*

*От Проханова
Ярослава Ивановича
Махачкала, Буйнакская ул.6-а, кв.10*

Ваше письмо от 2 июля с.г. получил давно, но, к сожалению, не мог ответить своевременно. У меня в сельхозинституте на кафедре проходила экзаменационная сессия, потребовавшая много сил, и времени не оставившая на что другое. Я освободился только 26 июля и засел за составление своих воспоминаний о Куйбышеве 27 числа. И вот, уведолив и поздравив в Вашем лице Куйбышевский ботанический сад вчера телеграммой, я только сегодня (утром 1 августа) имею возможность отправить просимое: воспоминание и фотографию.

* Рукопись подготовлена к печати кандидатом биологических наук С.А. Розно и доктором биологических наук Л.М. Кавеленовой. Подлинник хранится в архиве Самарского ботанического сада.

*Ярослав Иванович Проханов
(фото публикуется впервые)*

Кстати, последней своей фотографии я не имел, - мне пришлось специально сниматься у фотографа. Вышел неважно; если будет лучшая фотография, то дошлю.

Между прочим, я нашел одну старую фотографию, где я был снят в теплице Вашего ботанического сада вместе с бывшим тогда директором М.Н.Яшановым. Поскольку я допускаю, что эта фотография могла бы представить некоторый для Вас интерес, я решил ее воспроизвести и послать заодно.

Что же касается своих воспоминаний, то они получились далеко не краткие. Я точно не знал, что Вам желательно. Писал о состоянии Вашего ботанического сада (1935-1940) и о своей в нем работе. Вышло многовато! Если Вам будет желательно кое-что использовать для опубликования, то Вы сможете всегда сократить мои воспоминания в желательном для Вас направлении, а нежелательное исключить.

Прошу меня извинить в том, что память мне изменяет, и что многих лиц я знаю или только по фамилии без инициалов, или же по имени и отчеству без фамилии. В обоих случаях прошу Вас вставить недостающее (главным образом инициалы).

Если я перепутал или напутал в изложении самих фактов (это вполне не исключено), то прошу и в этом случае внести нужные изменения.

Попутно влагаю для библиотеки Вашего ботанического сада переведенный мною Международный кодекс номенклатуры для культурных растений.

Думаю, что хотя не в срок, но все же посылаемые Вам материалы смогут быть не бесполезными.

Мне было бы интересно знать, кто именно из упоминаемых мною лиц и в настоящее время работает в Куйбышевском ботаническом саду. Особенно интересно знать, что делает А.Ф. Терехов.

Прошу передать от меня привет всем тем лицам, которые меня помнят, если вообще таковые сохранились. Ко мне в этом присоединяется и моя жена Елена Яковлевна, которую возможно кое-как помнит по времени нашего проживания в последний год нахождения в Куйбышеве (1939-1940) на территории вверенного Вам ботанического сада.

Признаюсь, что был очень тронут тем фактом, что у Вас в ботаническом саду меня еще не совсем забыли.

От души желаю Куйбышевскому ботаническому саду дальнейшего успешного развития, а Вам лично успехов в ответственном труде по его руководству.

*Махачкала
1 августа 1957г.*

Я.П. Проханов

** * **

Когда волею судеб я в 1935 году попал в г. Куйбышев, мне, как ботанику, было приятно узнать, что в г. Куйбышеве недавно был основан ботанический сад. Естественно, вскоре по прибытии я направил свои стопы в этот сад.

Прибыв трамваем к Оврагу подпольщиков, вокруг отрогов которого расположился ботанический сад, я не сразу добрался до его территории. Поскольку сад этот существовал три года, я, естественно, не ожидал увидеть многого.

Вступив на территорию ботанического сада, я вначале шел через хозяйственные огороды, дававшие саду определенный доход, но едва ли бывшие уместными у самого его входа. Пройдя их, я вышел через плотину к двум прудам сада, расположенным направо и не лишенным живописности. Около этих прудов ютились немногочисленные строения сада: здание семенной лаборатории и канцелярии, жилые дома сотрудников и дом директора. Вниз от прудов, за нижней плотиной, шли многочисленные разветвления Оврага подпольщиков, в одном из истоков которого и были созданы означенные пруды. Непосредственно же за прудами раскрывалось большое ровное пространство, в центре которого красовалась одна огромная беседка. С первого же раза эта беседка более всего запечатлелась во мне, и поныне (не знаю, существует ли она еще) она еще продолжает для меня символизировать Куйбышевский ботанический сад.

Вокруг беседки были разбиты те немногие демонстрационные участки открытого грунта, которые в то время имелись в этом саду. Большая же часть территории, включая вышеуказанные отроги Оврага подпольщиков, еще пребывала в неоформленном состоянии.

От директора сада, т. Карташова, к которому я затем направился, я узнал, что могу рассчитывать в данном ботаническом саду только на должность экскурсовода. Это меня, как научного работника, тогда уже с многолетним стажем, разумеется, не устраивало. Но, за неимением лучшего, приходилось на первых порах соглашаться.

Штат сада был, при директоре т. Карташове, небольшой. В семенной работало два лица: жена директора, Юлия Ивановна, и некая Мария Афанасьевна, недавно окончившая аспирантуру. Обе были из начинающих. Садовниками тогда были т.т. Бородин и Кормишин.

Научным руководителем ботанического сада в то время была по совместительству заведующая кафедрой ботаники Куйбышевского педагогического института, некая Пастернацкая. На территории ботанического сада она была очень редкой гостьей и не уделяла особого внимания саду. Фактически ботанический сад оставался без научного руководства.

Известные же мне лица, которые могли бы успешно возглавить в научном отношении ботанический сад, по иронии судьбы, были или не у дел, или работали в других учреждениях. Так, В.И. Смирнов, в прошлом ленинградский ботаник, обосновался в тогдашнем Жигулевском заповеднике. А лучший флорист по окрестностям г. Куйбышева А.Ф. Терехов не мог найти себе другой работы, помимо редакторской в местном издательстве.

Нельзя сразу же не признать, что ботанический сад находится в малом перспективном положении. Работа в основном концентрировалась вокруг семенной лаборатории в виде обмена и выписки семян. Наряду с нею, для проращивания семян тепличных растений, имелась перед нижней плотинной небольшая теплица полуподвального типа. Другая теплица, заметно больших размеров, находилась в процессе сооружения.

Однако мне было ясно, что при должном руководстве Куйбышевский ботанический сад может значительно развиваться и даже стать перворазряд-

ным ботаническим садом. За это говорила удобная и обширная, к тому же местами живописная территория этого сада. На другом конце она выходила на пространное Семейкинское шоссе и, таким образом, имела к себе еще один подступ. Недоставало для сада, прежде всего, энтузиаста-руководителя, которого мне пришлось в конце концов дожидаться в лице директора т. Яшанова.

За время моего пятилетнего нахождения в г. Куйбышеве мне три раза пришлось поступать на работу в местный ботанический сад. Два первых раза я работал при директоре т. Карташове и оба раза не находил себе подходящего применения по причинам, легко понятным из вышеизложенного.

Экскурсоводом я проработал с 20 мая по 10 октября 1935 г. За это время я провел по демонстрационным участкам немало экскурсий, преимущественно местных школ. Ушел я с работы из ботанического сада, главным образом, для скорейшего завершения своей, начатой еще в Ленинграде, монографии по роду *Gossypium* L. В это время я добывал средства к существованию преподаванием английского языка. К тому же, перед самым этим уходом я был потрясен известием о смерти своего отца на чужбине.

Вскоре произошло событие, наглядно выявившее нездоровую обстановку, царившую тогда в Куйбышевском ботаническом саду. На основе работы семенной лаборатории, уже выпускался ежегодный *Delectus semenium*, т.е. список семян, предлагаемых Куйбышевским садом для обмена. Фактическое отсутствие руководства сказалось в том, что за 1935 год этот список семян даже не был соответствующим образом отредактирован т. Пастернацкой.

Работая лишь по совместительству, она не уделила делектусу нужного внимания и, к тому же, не имела достаточных сведений по латинской грамматике. В результате появился малограмотный, хаотически составленный *Delectus*. А вслед за тем последовала со стороны А.Ф. Терехова, первым ознакомившегося с делектусом, заметка в местной газете «Волжская коммуна», в форме небольшого фельетона. Сенсация была колоссальная. Была создана для проверки сообщения особая комиссия, в которую я был специально приглашен из дому.

Пастернацкой пришлось бросить свое совместительство в ботаническом саду...

Вторично поступил я в Куйбышевский ботанический сад 8 июля 1936 г. В этот раз я был, по предложению новой сотрудницы сада т. Русьян, специально приглашен директором т. Карташовым, уже на льготных условиях, в качестве ботаника-консультанта. Это оставляло мне возможность вести на дому мою научную работу по монографии хлопчатника.

Поскольку отсутствовало даже то иллюзорное руководство, которое давала т. Пастернацкая, я и был приглашен в ботанический сад. Проработал я там до снятия с работы директора т. Карташова и назначения на эту должность по совместительству т. Сидорука, бывшего тогда ассистентом заведующего кафедрой ботаники Куйбышевского сельхозинститута, доцента Калашникова.

За это время моя работа в саду в значительной степени выражалась в критическом пересмотре не всегда удовлетворительного подбора видов на отдельных демонстрационных участках (растения технических, лекарственных и пр.).

При директоре т. Сидорук мне вовсе не суждено было работать в ботаническом саду. Он поставил себе целью во что бы то ни стало реабилитировать хорошо ему знакомую т. Пастернацкую путем ее приглашения обратно в сад на прежнюю ее должность, хотя бы на время. А для этого ему нужно было освободиться от меня, что он не преминул сделать, сославшись на временный характер должности консультанта. Несмотря на явную незаконность увольнения, я не стал его опротестовывать, ибо при сложившихся обстоятельствах найти себе подходящее применение в саду едва ли было мне мыслимо.

За период своего директорства, правда, непродолжительного, т. Сидорук ничем себя не проявил. В саду появлялся он очень редко. Главная причина этому – его основная работа в Куйбышевском сельскохозяйственном институте, расположенном вне Куйбышева, у ж.д. станции Кинель, и его там проживание вдалеке от сада. В этих условиях интересоваться ботаническим садом он не мог. Карташов ранее находился в этом отношении в более выгодном положении, ибо он постоянно проживал на территории сада и мог интересоваться хотя бы хозяйственной стороной сада, – Сидорук же был лишен и этой возможности, тем более что на территории сада продолжал проживать и при нем т. Карташов.

При директоре т. Карташове неполноценным для сада совместителем была только т. Пастернацкая – теперь же таких неполноценных совместителей в саду и редких в нем гостей было двое, и т. Пастернацкая и сам директор сада т. Сидорук.

Неудивительно, что при этом в ботаническом саду водворился почти полный застой. Фактически руководителем сада, вне редких появлений т.т. Сидорука и Пастернацкой, оказался их ставленник, старший садовод т. Пинипукс, к несчастью трезвостью не отличавшийся и потому нередко тормозивший работу энтузиаста-садовода т. Крылова. В дополнение к этой безрадостной картине, в ботаническом саду в это время была нездоровая, напряженная атмосфера, несколько не способствовавшая работе. Это и понятно! Оба руководителя сада иногда подолгу не появлялись, – на территории же сада продолжал прежний директор т. Карташов, чувствующий себя весьма обиженным, а в саду продолжала работать его жена. Одному же т. Пинипуксу было не под силу направлять работу в саду в отсутствие директора и научного руководителя, ибо для этого у т. Пинипукса не было нужного авторитета. В этих условиях естественно было ожидать изменений в руководстве сада, которые вскоре не преминули последовать.

Ранней весной 1937 года директором Куйбышевского ботанического сада был назначен М.Н. Яшанов. С назначением т. Яшанова начинается новая страница в истории этого ботанического сада. В отличие от обоих своих предшественников, директор М.Н. Яшанов был подлинным энтузиастом.

стом садоводства. Небольшого роста, подвижный и энергичный, живо реагирующий на все окружающее, он носился с широкими планами полной реорганизации сада. Он мечтал о придании саду надлежащего вида, о создании на склонах Оврага подпольщиков живописного парка путем посадки растений и проведения дорожек, о значительном расширении тепличного хозяйства и т.д.

Прежде всего, т. Яшанов провел обновление и увеличение научных кадров ботанического сада. По моему совету, директор т. Яшанов пригласил научным руководителем сада известного местного флориста А.Ф. Терехова. Был привлечен в штат сада из заповедника В.И. Смирнов. Из новых научных работников следует отметить ботаника-физиолога К.И. Петрову и ученого агронома т. Знаменского. Младших научных работников, ранее при Карташове работавших, заменили Екатерина Калиновская и некая Галя. Экскурсоводом была т. Шишлина А.И.

Мне же М.Н. Яшановым была предложена должность старшего научного сотрудника, заведующего теплицами сада, на которую я вступил 20 апреля 1937 г. Главное то, что мне была предоставлена полная возможность вести научно-исследовательскую работу.

Был значительно расширен обмен семенным материалом с другими ботаническими садами, в том числе и с заграничными. Благодаря этому существенно обогащались демонстрационные участки и теплицы.

Основная моя работа была приурочена к теплицам. Если в старой небольшой теплице было невыносимо тесно, то и в новой, несколько более крупной теплице было тоже достаточно тесно. Старая теплица, таким образом, могла быть только использована как экспериментальная – для проращивания семян в плошках и вазонах.

Себе я поставил задачу всемерно расширить фонд живых тепличных растений в саду. С жаром взявшись за это дело, я от имени ботанического сада стал усердно выписывать желательные нам семена, главным образом из иноземных садов.

За 1937 год и начало 1938 года мне удалось высеять не одну сотню образцов семян. Значительная часть их в течение года, хотя и в весьма различные сроки, проросла. Затем новые растеньица, по мере их отрастания из всходов, переносились в более крупную теплицу для демонстрации. Там они мною размещались, в соответствии с их родиной, по географическому принципу, ради большей наглядности для экскурсантов.

Помню, что в тот год удалось заметно расширить живую коллекцию тепличных растений. Как особое достижение, я тогда считал у себя всходы *Welwitschia*, которые довольно долго росли, но кажется затем, уже в мое отсутствие, погибли.

Особую помощь мне при этом во внешнем оформлении теплиц, особенно главной, демонстрационной, оказывал новый садовод-энтузиаст т. Крылов. Он изо всех сил поддерживал теплицу в образцовом состоянии, не допуская развития вредителей и болезней. Между прочим, им был в основной теплице оформлен хороший аквариум.

Но получать нужные семенные образцы откуда бы то ни было можно было только при наличии своего собственного достаточного обменного фонда семян. Для его поддержания и всемерного расширения производились экскурсии сотрудников ботанического сада в природу в окрестностях г. Куйбышева.

Эти экскурсии, разумеется, имели и исследовательское значение для изучения местной флоры. Чаще всего они совершались на противоположный у Куйбышева, правый берег Волги, с его заливными лугами. Там меня интриговал долгое время для меня загадочный молочай, дотоле ошибочно определявшийся как *Euphorbia iberica* Voiss.

Как правило же, в этих экскурсиях, кроме А.Ф. Терехова и меня, участвовал и М.Н. Яшанов, всегда сам воодушевлявший других.

Из более далеких экскурсий в памяти у меня сохранились две. Первая состоялась летом 1937 года в тогдашний Жигулевский заповедник. Ехали мы паромом по Волге и любовались прекрасным видом Жигулевских гор. Прибыв в заповедник, мы ночевали в сторожевом домике. В походе участвовали директор т. Яшанов, А.Ф. Терехов, Катя Калиновская и я.

С утра начали мы восхождение на гору Бахилу поляну, которая мне тогда (вне кавказских масштабов) показалась весьма крупной. Дикие утесы и крутые обрывы к Волге были внушительны. Не менее поражающей была и картина нетронутого леса, с поваленными от ветра стволами деревьев, сплошным проросшим мхом. Хорошо помню, с каким трудом мы под руководством А.Ф. Терехова карабкались по крутому склону к местопроизрастанию редкого крестоцветного *Schiwerekia podolica* DC.

Пришлось мне в эту экскурсию лично собрать и элементарный вид молочая, эндемичный для Жигулей. Намеченный предварительно А.Ф. Тереховым, он был вскоре описан мною как *Euphorbia zhiguliensis*.

Другая большая экскурсия имела место около начала июля 1938 года. Участники были все те же. На этот раз маршрут экскурсии пролегал уже по левому берегу Волги и проходил через устье р. Сока в сторону г. Ставрополя (против Жигулей) и обратно. Несколько я помню, уже тогда были огороженные участки, исследовавшие возможность строительства местной ГЭС.

В это время и сама территория ботанического сада стала заметно преобразаться. Сам М.Н. Яшанов лично руководил перепланировкой сада и его декоративным оформлением. Помню, как совместно с ним мы прокладывали дорожки по дотоле запущенным отрогам Оврага подпольщиков, не говоря уже о более доступных частях ботанического сада. В этом деле участвовали и другие сотрудники сада. Так, К.И. Петрова, производившая научные изыскания по разновидностям люффы, подобрала замечательную по разнообразию коллекцию декоративных вербен.

Однако моей, наиболее мне памятной, научно-исследовательской работой была моя критическая обработка видов *Euphorbia* L. для полосы среднего Поволжья. В основу этой обработки был положен гербарий по этому роду из Пензенского ботанического сада, в основном собранный

проф. Спрыгиным. Этот гербарий был специально на время выписан для меня из Пензы Куйбышевским ботаническим садом.

Как свое достижение, я могу отметить выделение мною двух видов молочая для среднего Поволжья. Один из них, вид из Волжской поймы, неверно определявшийся как *Euphorbia iberica*, был вскоре мною отождествлен с недавно описанным из Приполярья *Euphorbia borodinii* Sambuk. Другой же, вышеупомянутый из Жигулей, оказался новым для науки, и потому потребовал от меня латинского диагноза. Название, как было указано, ему было дано *Euphorbia zhiguliensis*.

Отрицательной стороной этой монографической обработки, как в дальнейшем оказалось, было принятие мною, по совету американского ботаника Леона Круаза, формально-приоритетного названия для наших некактусовидных молочаев, *Galarhoeus*, вместо обиходного *Tithymalus*. Последнее в настоящем, как и следовало ожидать, окончательно принято как *nom. conservandum*, в случае дробления первоначального рода *Euphorbia* L. на более мелкие роды. Пожалуй, лучше было бы мне не дробить этого рода. К счастью, мои альтернативные номенклатурные комбинации с родовым названием *Euphorbia*, как обнародованные до 1 января 1953 г., остаются действительными (ср.ст.33 Международного кодекса).

Чисто-номенклатурными новшествами были мои два, в соответствии со ст.64/2/ и 70/4/ Международного кодекса, новых названия: *Galarhoeus subtilis* (=альтернативному *Euphorbia subtilis*) и *Chamaesyce vulgaris*, взамен незаконных *Euphorbia gracilis* auct и *Chamaesyce chamaesyce*.

Замечательной флористической находкой оказалось местонахождение джунгарского вида, *Euphorbia soongarica* Voiss., на северных отрогах Общего Сырта, вдали от его ближайших местообитаний, в Джунгарии и под Ставрополем, на Северном Кавказе. Значение этой находки мною детально была рассмотрена.

Также было подтверждено прежнее указание акад. С.И. Коржинского на нахождение в районе Самарской Луки доподлинной *Euphorbia subcordata* Ledeb.

Этой моей монографии «Молочай в Среднем Поволжье» суждено было заполнить весь первый выпуск Трудов Куйбышевского ботанического сада. Однако данный выпуск появился уже после моего отъезда из Куйбышева.

Не могу не отметить, что в моей работе в Куйбышевском ботаническом саду был вынужден перерыв, с 23 июля 1938 г. по осень 1939 г., к счастью благополучно закончившийся моим возвращением на работу в сад. После этого я возобновил работу в саду и даже несколько ее расширил. Более того, я со своей семьей тогда переехал на территорию ботанического сада, где мне был предоставлен для проживания отдельный домик, ранее занимавшийся садовником т. Бородиным, недалеко от плотины между прудами. Мне более уже не приходилось тратить время на хождение в сад и обратно домой.

Проработал я в саду еще год с лишним. В это время я продолжал заниматься теплицами. За время моего отсутствия, как я заметил, кое-что из моих питомцев попало. Это меня огорчило, но я решил как можно скорее перекрыть новыми питомцами эту пропажу.

Проживая на территории сада, я лично занялся с группой рабочих оформлением искусственных горок для альпинетума, на берегу нижнего пруда. Насколько мне известно, это дело после меня, к сожалению, заглохло.

В это же время я срочно завершил свою обработку средневожских молочаев, так что гербарий, прождавший меня более года, смог, наконец, быть с благодарностью возвращен его хозяевам, в Пензенский ботанический сад. Вполне оформленная работа была сдана в печать лишь 9 августа, незадолго до моего окончательного отъезда из Куйбышева. Вышла же она из печати примерно с полгода спустя, 10 февраля 1941 года, когда я уже находился в Ленинграде.

Не могу не отметить, что в последний год нахождения в Куйбышеве мне, благодаря проживанию на территории ботанического сада, удавалось без особого труда, как общественную работу, вести для сотрудников сада кассу взаимопомощи и быть ее казначеем.

Мой отъезд из г. Куйбышева совпал с защитой мною на ученую степень кандидата биологических наук моего давнишнего труда (1930 г.) «Культурные луки и чесноки Китая и Японии». После присуждения мне кандидатской степени, я подал свою незавершенную монографию по культурным и дикорастущим видам хлопчатника на конкурс для прохождения докторантуры, в Ботанический институт им. В.Л. Комарова Академии наук СССР, в Ленинграде, и по конкурсу прошел. 16 ноября я уволился из Куйбышевского ботанического сада, а 26 числа я в Ленинграде приступил к прохождению докторантуры.

Хотя период жизни, проведенный мною в Куйбышеве, был для меня далеко не из спокойных, тем не менее он не пропал зря. В Куйбышевском ботаническом саду я приобрел навыки выращивания тепличных растений и достаточное с ними знакомство, а также и знание семян, что едва ли где-нибудь мне пришлось так быстро освоить. О коллективе сотрудников сада при директоре М.Н. Яшанове, и особенно о самом М.Н. Яшанове, я до сих пор храню светлое воспоминание, а период своей работы с ним – считаю хорошим временем.

Махачкала
31 июля 1957г.

Я.И. Проханов

Поступила в редакцию
21 декабря 2006 г.